

Эльвира Осетина

ТРИ МАЖОРА и ЛЮСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльвира Осетина

Три мажора и Люся

<https://litres.ru/74236629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пальмы, море, соленый воздух, я впервые поехала в Тайланд с подругами! Казалось бы, что может пойти не так? А то, что подруги решили меня бросить и умотали куда-то с мужиками тусить, а мне только сообщение отправили с извинениями: «Прости Люсь, они тебя брать не хотели, ты им не понравилась». А ведь я сразу поняла, что не я им не понравилась, а мой вес. И всё бы ничего, но тут меня еще и из нашего домика какие-то мажоры попытались выселить. Но я так разозлилась, что решила, костями лягу, но с места не сдвинусь! Пусть, что хотят, то и делают!

А они сделали ой как сделали. И как бы мне теперь не только стыд, но и сердце не потерять.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эльвира Осетина

Три мажора и Люся

Глава 1

«Люсь, извини, но мы уехали отдыхать в Паттайю с теми ребятами, помнишь, которые к нам клеились, вчера на пляже? Но ты им не понравилась, поэтому мы одни с ними поехали. Надеюсь, ты нас простишь, они просто невероятные пусички. Ну и это, нам деньги были нужны. Мы наш коттедж пересдали. Снимешь себе номер в отеле. Пока-пока». И смайликов гора.

Читая это сообщение я глазам своим поверить не могла. Эти сучки меня еще и из общего чата выгнали, и заблокировали.

Подруги называется.

И свинтили рано утром, пока я спала и ничего не слышала. И коттедж пересдали.

Серьезно?

А просто сказать в глаза, было слабо?

Но нет, они решили поступить настолько подло и жестоко.

Я сидела на террасе нашего съемного коттеджа, который был уже не наш и чувствовала, как на языке разливается горечь от такого жестокого предательства.

Понятия не имела, что Настя с Машкой такие мрази.

А казались такими добрыми компанейскими девчонками.

Когда отца перевели в Северную столицу, и я поменяла школу, и только пришла, меня за мой лишний вес начали булить мальчишки. Но именно Настя с Машей меня защитили.

И я была им очень за это благодарна. Поэтому решала за них задачи и даже сочинения писала.

А затем мы все вместе и вовсе универ один поступили, на экономистов. Это девочки меня уговорили. Я так-то хотела в другой ВУЗ пойти, у меня и баллов хватало, но испугалась, что мне будет одиноко одной. А тут, хоть какая-то моральная поддержка.

И там, уже в универе, я продолжила с девочками, само-собой дружить. И была рада, что они меня принимают.

Может в нашем городе моя семья и считалась бы не бедной, то здесь, в Северной столице, я так и осталась деревенской замухрышкой.

Поэтому дружить ни с кем больше так и не смогла. Так, просто были знакомые, так как я стала старостой, но не близкие.

И только Настя с Машей продолжали со мной общаться и поддерживать. Они-то мне казались очень искренними и добрыми девочками.

Когда мне исполнилось двадцать, и мы были уже на четвертом курсе, то я решила их порадовать. Много подработывала, плюс еще и кредит взяла, и родители денег подарили

и решила свозить лучших подруг в Тайланд после зимней сессии.

Кто знает, вдруг после универа наши пути разойдутся, и я хотела, чтобы у нас у всех остались хорошие воспоминания о студенческих годах.

Отец у меня, к слову, тоже пухленький, как и мама. Мы такая семья толстячков. Но нас всех это никогда не парило. Особенно моих родителей. Они искренне любили друг друга. Я видела, как они друг на друга смотрят. И да, они с молодости оба были пухлыми. Вместе в университете учились. Мама, только стала домохозяйкой, работать по профессии не пошла, зато отец работал. Всю семью содержал. И получил повышение.

Поэтому мы теперь и жили не так уж и плохо. Хотя, опять же, по меркам нашего прошлого города, а не Северной столицы.

Да и я просто хотела подруг порадовать. У меня кроме них никого больше не было.

Хотя мама и была скептически настроена, боялась меня отпускать, но мы с отцом её уговорили, что всё будет нормально.

Я же с подругами.

И вроде тут какие-то его знакомые отдыхали, они обещали присмотреть. И отец наказал, если что, к ним обращаться за любой помощью.

А подруги — вот так жестоко со мной обошлись.

Я привезла их отдыхать, а они меня бросили. Обменяли на каких-то мужиков, которые пальчиком поманили.

И еще и из чата выгнали в котором мы сидели все трое много лет.

За что они так со мной?

Это ощущалось для меня, как удар в спину.

А ведь звоночки были, я заметила, как они последний год учебы начали ко мне относиться. С пренебрежением, и даже иногда злостью. Я думала, они переживают из-за дипломов. Все же последний год учимся. И я уже хорошую должность в папиной компании получила. Пока, только стажером, но все знали, что я иду на красный диплом, и скоро получу нормальную должность. Поэтому мне было тяжело им помогать. Надо было и своей жизнью заниматься.

Перед сессией, за то, что я им отказала в помощи, они на меня сильно обиделись. И даже завалили несколько экзаменов. И, наверное, мне придется бегать и догонять преподавателей, чтобы они разрешили девочкам пересдачу. Хотя нет. Теперь я это делать точно не буду.

А ведь этой поездкой я думала, что сглажу их отношение к себе.

Сгладила.

Мама говорила мне, чтобы я им не доверяла. И чтобы я была осторожной. Они ей почему-то никогда не нравились. Но я и представить себе не могла, что подруги настолько жестоко со мной обойдутся.

Я просто не понимала, как дальше буду одна отдыхать? Какой еще отель снимать? Денег у меня было впритык.

И как они вообще умудрились пересдать этот коттедж? Такое вообще возможно? Да, сам перелет я оплачивала, а вот коттедж подруги сказали снимут. Попросили меня не брать путевку в турфирме. Сказали, что так намного дешевле, они там уже ни раз были. Я, дура, поверила. И дала им денег отдельно на дом. Они с владельцем что-то там сами решали.

Короче, лохушка я, последняя...

Может и вовсе домой вернуться? Но билеты на самолет, только через семь дней...

Да и родители потом будут переживать.

Я у них одна. Они вечно надо мной трясутся. И если сейчас я вернусь раньше, мама же потом с меня не слезет, поведет к своему тарологу, нумерологу, и прочим шарлатанологам, лишь бы успокоить любимое дитяtko. И самой успокоиться.

Короче, как бы горько мне на душе не было, я поняла, что придется отдыхать одной оставшиеся семь дней и да, как-то отстаивать своё жилище... Я в конце концов кучу денег за него отдала!

И не успела я об этом подумать, как мою калитку открыли своим ключом, и нагло вошли три мускулистых красавчика. Причем с вещами.

- Эй, ты еще кто такая? – тут же нахмурился блондин, увидев меня, вышедшую на дорожку перед бассейном.

Подруги предали, слезы меня душили. Но я понимала, если сейчас дам слабину, то меня просто выкинут за калитку.

- Я, тут живу, - громко ответила я, и руки в бока уперла, понимая, что придется скорее всего драться, и, наверное, я победить не смогу, но хотя бы попытаюсь сделать вид. — А вы кто такие?

А когда присмотрелась, то выпала в осадок.

Они же из нашего университета. Старше на год. Уже в магистратуре учатся. По ним почти все девчонки сохнут. Кто-то тайно (такие, как я), а кто-то явно. Потому что они из нашей футбольной команды. Все трое – звезды. И родители у них там какие-то крутые. Я даже ходила к ним на матчи. Делала вид, что мне пофиг, и я за компанию с девочками, а сама слюнями давилась, пока смотрела на то, как они там бегают. И при забитых голах, футболки свои снимают, и показывают свои шикарные поджарые мускулистые и загорелые тела...

Только сейчас слюни пришлось подобрать, сглотнуть и сделать независимый вид.

- Мы вообще-то заплатили за коттедж, - это ответил мне блондин, я помнила его имя – Макс. Максим Андреевич Турчинский.

- Я тоже заплатила, - выставила я подбородок вперед. — Вас обманули. Я тут живу. У меня и документы есть!

Про документы я конечно же безбожно врала. Но... чем черт не шутит? Вдруг поведутся?

- У нас вообще-то тоже есть документы, Шмель, покажи

девушке, - ответил шатен, обернувшись к другу. Его все звали Лавр. А вообще-то его звали Антон Витальевич Лаврентьев.

Третий - брюнет, Шмель, или Александр Афанасьевич Шмелев, полез в свою сумку, а блондин уже приблизился ко мне, и вдруг его брови поползли вверх.

- Ба, да это же Люся! – вдруг воскликнул он, оборачиваясь к друзьям.

Я же в этот момент уставилась на парня в легком шоке.

- Та самая девчонка, которая нам тогда мяч вернула, и прямо в ворота его пнула? – улыбнулся своей идеальной улыбкой Макс, и посмотрел на меня, как на родную. – То-то я думаю, почему мне её лицо знакомо...

- Ого, вот этот встреча, ты как тут оказалась? – этот вопрос задал мне Лавр, тоже подходя ближе.

А я настолько растерялась, что вообще не представляла, что говорить, и первое что смогла ляпнуть, так это:

- Вы меня помните?

- Конечно, как же мы могли забыть. Ты наш счастливый мяч вернула, тот, что на тренировке вылетел за пределы поля, обычно болельщицы-девочки, которые там ошиваются, его не возвращают. А ты сделала это. Мы тогда сразу тебя всей командой приметили, - ответил Шмель. – Но ты тогда еще быстро ушла. Мы хотели познакомиться. И имя твоё узнали. Подруги называли тебя Люсей. Но потом мы тебя больше не видели.

Я какое-то время так и стояла, распахнув рот, вспоминая тот самый случай.

Маша с Настей затащили меня на тренировку, хотя я упиралась и всеми силами отказывалась, понимая, что только раны душевные себе бередю. Всё равно никто из этих красавчиков на меня даже не посмотрит. И толку? Сидеть слюни глотать, пока подружки с ними заигрывают?

В итоге, я уже спустилась с трибуны и хотела уйти, когда девочки отвлеклись, а тут мяч мне под ноги прилетел. Ну я его взяла, и пнула обратно, а затем быстро убежала, поняв, что попала прямо в ворота и забила «гол».

Стало немного стыдно, почему-то.

Футбол я играла в детстве в школе. Знала, как правильно мяч пнуть, чтобы он летел куда надо. Но не ожидала, что получится. Давно не тренировалась.

На меня тогда все мужчины посмотрели с удивлением.

И я застремалась, почему-то.

Никогда не была в центре стольких мужских взглядов. На меня предпочитали парни смотреть, только с брезгливостью, либо замечали, как «другана», не более.

Но всё это было лирикой. Потому что я вспомнила, зачем они тут, и почему, собственно. И отступить не собиралась.

- Я вас всё равно не пущу! – сказала я.

- Тогда верни нам деньги, - хмыкнул блондин. – Мы три с половиной штуки баксов за этот дом заплатили. Есть доказательства.

- Сколько? — я открыла рот от шока.

Я давала девчонкам тысячу долларов. Еще удивлялась, что такой большой шикарный дом так дешево сняли. Думала в маленьком бунгало будем жить, и на одной постели втроем ютиться. А они сказали, что дом принадлежит их знакомому. Поэтому и цена такая дешевая.

А тут, такая шикарная махина. Как же я радовалась... теперь-то я понимала, что они просто провернули аферу вместе с владельцем этого дома. Мои подруги взяли с меня тысячу, с этих парней — три с половиной, хозяин получил свои деньги, а я осталась с носом и без доказательств. Какая же я дура, господи...

У меня таких денег не было, само-собой. Мне тут еще неделю жить надо на что-то. А если просить у отца... Короче, он сразу поймет, что у меня проблемы, и заставит вернуться. И потом меня мама никогда из дома не выпустит.

Знаю я её. Она будет истерики закатывать, делать вид, что умирает и прочие прелести. Спорить с ней — себе дороже.

Я родилась недоношенной. И потом месяц в инкубаторе через специальные аппараты дышала. Она все это слишком болезненно пережила, и поэтому всю жизнь надо мной тряслась.

Как мы с отцом уговорили её на эту мою поездку, я не понимаю. Но осознавала, что, если мама поймет, что у меня проблемы, у неё вновь будут истерики. И не дай бог с сердцем реально сляжет.

Короче, назад пути нет... только вперед!

- Три с половиной, - ответил Лавр, прерывая мои мысли.

— Ровно столько мы заплатили за этот дом.

Я сжала зубы. Не понимая, как мне быть.

- Слушай, Люсь, - ко мне подошел ближе Шмель, - давай спокойно разбираться. Здесь явно произошло какое-то недопонимание.

Мы вернулись в дом, и парни сразу же выложили на барную стойку документы на дом, а я поняла, что у меня-то как раз никаких документов нет.

Я ведь подругам платила деньги наличкой...

- Рассказывай, - улыбнулся мне Лавр, усаживаясь на барный стул и проникновенно заглядывая мне в глаза. — Как ты тут оказалась.

Почему-то стало невероятно стыдно.

Но все трое мужчин пристально на меня смотрели, тоже усевшись на барные стулья, напротив меня.

Вещи они бросили рядом со стойкой.

А мне... мне оставалось тоже сесть, уже с другой стороны барки и рассказать им, про мои договоренности с девочками.

- Мда уж, - первый высказался Лавр.

- Мы их даже не видели, - протянул Шмель.

- Мы с владельцем общались. Он говорил, что гости предыдущие выехали с утра. Но вилла должна быть в полном порядке и пустая, - это был уже Макс.

- Я ему позвоню сейчас, - сказал Лавр и взялся за телефон.

А я вдруг с надеждой посмотрела на него. Вдруг сейчас всё прояснится? Вдруг он скажет, что они дом перепутали, а этот уже снят? И на самом деле девочки меня не предавали и всё это одно огромное недоразумение?

Мне все еще не хотелось верить, что Маша с Настей могли быть такими жестокими. Это же слишком...

Но спустя несколько минут, моя надежда не оправдалась.

- Извини, Люсь, - развел руки в стороны Лавр. – Ты сама слышала наш разговор. Хозяин разрешил пожить твоим подругам всего три дня. Еще и бесплатно, так как они были близкими знакомыми. Он и не знал, что ты им за это деньги дала. Ему они ничего не передавали. Твои подруги - мошенницы.

- У тебя есть доказательства, что ты им деньги давала в руки? – спросил меня Шмель.

- Нет, - покачала я головой. – Я просто передала деньги Насте, когда мы прилетели. Она сказала, что с хозяином договорится.

- Ты видела, как они общались?

- Нет, - почти шепотом ответила я, и поняла, что уже не могу сдержать своих слез.

Но и перед парнями сидеть с красным носом тоже не хотелось, поэтому я сорвалась и убежала в ванную. И там закрывшись включила воду и начала рыдать.

Не знаю сколько времени так прошло, очень много. В итоге я услышала, как кто-то начал стучать мне в дверь.

- Кто? – спросила я, всхлипывая.

- Это Максим, - услышала я голос блондина. – Люсь, ты долго там сидеть собираешься? Надо что-то решать. Мы, конечно всё понимаем, тебя обманули. Но... мы тут не причем. Мы коттедж оплатили. Документы тебе показали, даже с владельцем при тебе поговорили. Поэтому успокаивайся и выходи.

- Угу, - проблеяла я, хотя сама вообще никуда выходить не хотела.

Но всё равно пришлось себя приводить в порядок. Хотя какой там... У меня нос разбух, губы стали, как два вареника, и краснота эта ужасная пятнами по лицу пошла. И теперь моё полное лицо стало еще и опухшее.

Отлично, самое то, для того чтобы показаться тем, в кого я втайне была влюблена.

Угу, причем всем троим.

И наверняка они меня сейчас будут пытаться вышвырнуть за пределы уже теперь их дома.

И как я с такой моськой буду отстаивать свои права?

Главное, лицо не потерять, при отстаивании! Вот!

- Я готова на всё, что угодно, только не выгоняйте меня! – сказала я, когда вновь увидела всех троих парней в гостиной, где они расположились, и уже даже еду какую-то заказали.

Надо было видеть вытянувшиеся лица мужчин, которые сначала посмотрели на меня, а затем переглянулись друг с другом.

- Хорошо, как насчет... ммм секса? – вдруг высказался Макс, еще и лицо сделал такое интересное, как у наглого котика.

- И со мной? – это был Лавр.

- А со мной? – это был уже Шмель, который даже чуть вперед подался, и заулыбался так, что у меня что-то ёкнуло где-то внизу живота.

- Тогда уж со всеми тремя? – нервно хихикнула я, и сама же себе рот рукой прикрыла от ужаса, что выдала это вслух.

И когда увидела мужские взгляды, еще и такие горячие, то ощутила одновременно два абсолютно противоположных чувства – страх, и дичайшее возбуждение.

Сказать, что я была в шоке от своих слов, значит не сказать ничего.

Кажется, из-за стресса у меня совсем мозги поплыли, и я решила высказать мужчинам свои потайные желания.

- Это была шутка, ребят, - протянула я, и зачем-то сделала шаг назад.

Но по мужским взглядам поняла, что шутку они не оценили, а точнее наоборот оценили, и она им похоже понравилась.

И первым набычившись и недовольно нахмутив брови, высказался Макс:

- Лично я согласен, отличная плата за жильё.

- Я тоже, - поиграл бровями Лавр.

- И я, - хмыкнул последним Шмель.

- Я правда пошутила ребят, - ответила я, поняв, что меня куда-то уже совсем не туда несет. – Я пойду собирать свои вещи.

Я хотела уже развернуться и пойти в свою комнату, а меня вдруг за руку схватил Макс, который каким-то образом телепортировался так быстро ко мне, хотя сидел вроде в нескольких шагах...

- Подожди, Люсь...

Глава 2

Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья с неожиданной, но не грубой силой. Я застыла, чувствуя, как его кожа обжигает мою, и в горле мгновенно пересохло. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шум воды в бассейне за окном. Я не могла поднять глаз, зная, что мои щеки сейчас пылают свекольным румянцем, выдавая меня с головой. Шутка, которую я ляпнула с перепугу, повисла в воздухе тяжелым, напряженным облаком, и я понимала, что она прозвучала более чем двусмысленно. А эти трое... они смотрели на меня так, будто я только что предложила им нечто большее, чем просто место для ночлега.

— Расслабься, — раздался спокойный, чуть хрипловатый голос Лавра. Я боковым зрением видела, как он поднялся со своего места на диване, но его движения были неторопливыми, почти ленивыми. — Мы не насильники, Люсь.

Он произнес это так буднично, так по-деловому, что я на миг перестала дышать, а затем выдохнула с облегчением. Макс, однако, не торопился отпускать мою руку, и я чувствовала, как его большой палец выписывает едва заметные круги на внутренней стороне моего запястья, там, где билась сумасшедшая жилка.

— Хотя предложение было интересное, — хмыкнул Шмель, и в его голосе я услышала плохо скрываемую усмешку.

ку. Я рискнула поднять глаза и наткнулась на его темные, смеющиеся глаза, которые смотрели на меня так, будто я была каким-то забавным, но очень симпатичным зверьком.

— Саня, харэ, — осадил его Лавр, но в его тоне не было строгости. Скорее усталость. — Люсь, иди сюда, садись. И перестань трястись, как осиноый лист. Мы не съедем тебя. По крайней мере, без предварительного согласия, — добавил он с легкой усмешкой, и Шмель тут же фыркнул, прикрывая рот ладонью.

Макс наконец отпустил мою руку, и я почувствовала, как на месте его пальцев остался холодок. Я сделала шаг назад, наткнулась спиной на край барной стойки и, не найдя в себе сил стоять на подгибающихся ногах, просто рухнула на высокий стул.

— Это была шутка... правда, — пробормотала я, чувствуя, как мои щеки горят еще сильнее. Если бы я могла провалиться сквозь землю прямо сейчас, я бы сделала это с превеликим удовольствием. — Я не то имела в виду... просто... стресс...

— Мы поняли, — мягко сказал Шмель, и его голос вдруг стал серьезным. Он подошел к стойке с другой стороны и сел напротив меня, опираясь локтями о столешницу. — Люсь, ты чего такая дерганая? Мы просто пошутили, в ответ на твою шутку. Всё нормально.

Я кивнула, хотя внутри всё еще тряслось мелкой дрожью. Парни переглянулись, и Макс, который до этого стоял рядом

со мной, тоже переместился за стойку, сел рядом с Лавром, и все трое уставились на меня с разной степенью любопытства и озабоченности.

— Так, давай с начала, — сказал Лавр, складывая руки на столешнице и сцепляя их в замок. Он смотрел на меня в упор, и в его глазах читалась та самая аналитическая жесткость, которую я так часто видела на лекциях. — Ты говоришь, что заплатила подругам тысячу долларов за этот дом. Мы заплатили три с половиной владельцу. Владелец утверждает, что твои подруги жили здесь три дня бесплатно, но понятия не имеет о том, что они взяли с тебя деньги.

— Да, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает новый комок слез. Я сглотнула и сжала руки в кулаки под стойкой, чтобы не разреветься прямо здесь. — Они сказали, что дом принадлежит их знакомому. Что он сдаст его нам за бесценок. А сами... они просто обманули меня. И владельца, получается, тоже.

— Афера чистой воды, — констатировал Шмель, и в его голосе послышалось сочувствие. — И ты даже никаких документов у них не взяла?

Я покачала головой, чувствуя себя полной идиоткой. Конечно, не взяла. Я доверяла Насте и Маше как самой себе. Мы были подругами столько лет! Как я могла предположить, что они способны на такое?

— Чек какой-нибудь? Перевод на карту? — не унимался Лавр.

— Я отдала им наличные, — прошептала я, и в этот момент поняла, как глупо это звучит. Тысяча долларов наличными двум девушкам, которые называли себя моими лучшими подругами. И ни одной расписки, ни одного сообщения с подтверждением.

Макс присвистнул и откинулся на спинку стула, сложив руки за головой. Его бицепсы напряглись, очерчивая рельеф мышц под загорелой кожей, и я поспешно отвернулась, краснея еще сильнее. Кажется, в присутствии этих троих я краснела чаще, чем за всю свою предыдущую жизнь.

— Ну и ситуация, — протянул он. — Что же нам теперь с тобой делать, Люсь?

Этот вопрос повис в воздухе, и я поняла, что мы подошли к главному. Сейчас они решат, выгонять меня или нет. И если да, то куда мне идти? В какой-нибудь дешевый отель на окраине, где я растрянжирю остатки денег, а потом буду сидеть на лавочке и ждать рейса, как бездомная? Мысль о том, чтобы позвонить отцу и попросить денег, вызывала у меня приступ тошноты. Я уже видела мысленным взором мамины истерики, ее панические атаки и полное запрещение любых самостоятельных поездок в будущем. Нет, только не это. Я лучше умру, но не позволю маме снова запереть меня в клетке.

— Я могу работать! — выпалила я, сама не ожидая от себя такой прыти. Парни удивленно переглянулись, и я затараторила, перечисляя всё, что могла предложить: — Я умею го-

товить. Правда. Очень вкусно. Мама научила. И убираться я тоже умею — мы жили небогато, все по дому я делала сама. Стирать, гладить... я могу быть экономкой! Ну, или хотя бы просто закупать продукты, делать список, следить, чтобы у вас было всё необходимое.

Я выпалила это на одном дыхании и уставилась на них, ожидая вердикта. Парни молчали. Сначала они просто смотрели на меня с каким-то странным выражением лиц — будто я начала говорить на китайском, и они пытались перевести мою речь на понятный язык. Затем Макс усмехнулся, Шмель покачал головой, а Лавр и вовсе прикрыл глаза, будто обдумывая мои слова.

— Люсь, ты серьезно? — спросил Макс, наклонив голову набок, и в его голосе послышалось искреннее изумление. — Ты хочешь быть нашей домработницей?

— А что тут такого? — я вздернула подбородок, чувствуя, как во мне закипает злость на саму себя, на подруг, на них и на весь мир вообще. — Я не собираюсь сидеть у вас на шее. Вы заплатили за этот дом, это ваше законное право здесь находиться. А я... я просто оказалась в дурацкой ситуации и не хочу быть обузой. Но я умею приносить пользу. Я не просто так деньги отдала — я заплатила за жилье, пусть даже и через мошенниц. Но мне нечего вам предложить, кроме своего труда. Так что выбирайте.

Повисла тишина. Я видела, как они переглядываются, обмениваясь какими-то безмолвными сигналами. Макс поднял

бровь. Шмель пожал плечами. Лавр, как всегда, оставался невозмутимым, но я заметила, как у него чуть дрогнули уголки губ.

— Она серьезно, — констатировал Шмель, обращаясь скорее к друзьям, чем ко мне. — Смотрите, какая деловая.

— Мне нравится, — вдруг улыбнулся Макс, и его улыбка была такой теплой, такой искренней, что у меня на миг перехватило дыхание. — Она не просто сидит и ноет, а предлагает варианты. Это похвально.

Лавр вздохнул и потер переносицу, словно у него разболелась голова. Было видно, что он пытается взвесить все «за» и «против», просчитать варианты, как он привык делать со всеми жизненными ситуациями. Я затаила дыхание, ожидая его вердикта.

— Слушай, Люсь, — наконец заговорил он, и его голос звучал устало, но беззлобно. — Ситуация, конечно, паршивая. Денег у тебя нет. Ехать тебе некуда. Выгонять тебя на улицу, как нашкодившего котенка, как-то по-свински, мы на это не подписывались.

— Спасибо, — выдохнула я, и в голосе проскользнула такая неподдельная благодарность, что я даже сама испугалась собственных эмоций.

— Но пусть поживет неделю, — вдруг сказал Макс, перебивая Лавра, и я увидела, как по его лицу пробежала хитрая улыбка. — Это же просто. Что нам стоит одну девушку в доме прокормить? Да еще если она готовить обещает...

— Макс, ты с ума сошел? — тут же взвился Лавр, резко поворачиваясь к другу. — Мы отдыхать приехали! Понимаешь? Отдыхать! Я хочу трахаться, пить, купаться в бассейне и не думать о том, что кто-то тут будет бегать с тряпкой и вздыхать о своей несчастной жизни.

Я поморщилась от его прямоты, но смолчала. Лавр был прав с практической точки зрения — это и правда было неудобно. Им нужен был отдых, а не обуза в виде меня. Но внутри меня что-то отчаянно сопротивлялось. Я не хотела быть обузой.

— А куда она денется? — спокойно заметил Шмель, и его голос прозвучал как глоток свежего воздуха после раздражения Лавра. — Она же сказала, что у нее только через семь дней обратный рейс. Ты предлагаешь выгнать ее на ночь глядя в чужой стране, без денег и без поддержки? Как-то не мужски, Антон.

Лавр фыркнул, но промолчал. Я видела, как он переваривает слова друга. Шмель был прав, и они оба это понимали. Макс торжествующе улыбнулся, будто выиграл в каком-то споре.

— Пусть живет, — пожал плечами Шмель, обращаясь уже ко всем. — Тем более, если она будет готовить, нам даже не придется таскаться по кафешкам. Мария, которая нам должна была готовить, в последний момент отказалась, так что у нас вообще был план питаться в ресторанах и выкидывать

кучу денег на еду. А тут... бесплатная прислуга.

Я почувствовала, как внутри меня закипает обида. Прислуга. Они называют меня прислугой. Но я тут же осадила себя — так и есть, именно это я и предлагала. Так что нечего было обижаться. Я сама напросилась.

— Хорошо, — сказала я, стараясь придать голосу уверенности. — Тогда я могу прямо сейчас пойти на кухню и приготовить ужин. Надо только сходить за продуктами...

Парни снова переглянулись, но теперь в их глазах я видела не насмешку, а любопытство. Кажется, они ожидали, что я сейчас начну юлить, отмазываться, или скажу, что мне нужно время привыкнуть. Но я была полна решимости доказать, что я не просто так здесь оказалась.

— Давай, — кивнул Макс с легкой улыбкой. — Мы с удовольствием посмотрим, что ты умеешь. Продиктуй нам список, мы быстро сходим закупимся в местный маркет.

Он вытащил свой телефон, и с интересом на меня посмотрел.

А я, быстро собравшись с мыслями начала диктовать список.

А затем, поднявшись со стула, направилась на кухню. Парни остались в гостиной, и до меня донесся приглушенный разговор.

— Лавр, ты слишком жестко, — слышала я голос Шмеля. — Она же не виновата, что ее подруги такие мрази.

— Я и не говорю, что виновата, — проворчал тот. — Про-

сто я тоже хочу отдыхать, а не решать чужие проблемы.

— Она классная, — вдруг сказал Макс, и я на миг замерла, прислушиваясь. — Смешная. И не нытик. Мне нравится.

— Она не смешная, — возразил Лавр. — Она просто наивная. Доверчивая до идиотизма. Отдала деньги наличными без расписки, полетела в другую страну с двумя стервами... Это не смешно, это глупо.

— Нет, — неожиданно твердо сказал Шмель, и я удивилась тому, как изменился его голос. — Нет, Антон. Ее всю жизнь использовали. Я вижу, как она смотрит на нас. Словно боится, что мы ее тоже предадим. Она привыкла, что все ее кидают. Даже в университете она всегда была одна. Эти две дуры притворялись ее подругами, чтобы она решала за них задачи. Я слышал, как девчонки сплетничали. Она просто... привыкла быть удобной.

Сердце пропустило удар, и я застыла у входа на кухню, не в силах пошевелиться. Шмель меня понял. Он, наверное, первый человек за последние несколько лет, который действительно увидел, что происходит у меня внутри. И от этого осознания на глаза снова навернулись слезы.

Я поспешно отвернулась и начала рыться в холодильнике, чтобы они не заметили моего замешательства. На полках лежали какие-то овощи, курица, яйца, сыр. В углу стояла пачка риса, а в шкафчиках нашлись специи. Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться, и начала готовить. Мама учила меня с детства, что еда — это не просто способ утолить голод. Это

ритуал. Это способ выразить заботу, любовь, благодарность. И сейчас я вкладывала все свои чувства в то, чтобы сделать этот ужин идеальным.

Я готовила и думала. О том, какие же они разные. Лавр — сухой, практичный, всегда всё взвешивает. Макс — импульсивный, добрый, все время старается поднять настроение. Шмель — спокойный, рассудительный, он видит то, что другие не замечают. Тот, к кому я инстинктивно хотела бы прийти за советом, если бы была в силах к кому-то обратиться. Но я не могла позволить себе расслабиться. Я должна была доказать им, что я не просто обуза. Что я могу быть полезной.

Через час на столе стояла курица с рисом и овощным салатом, украшенная зеленью, и аромат разносился по всему дому. Парни втянули воздух почти одновременно, когда вернулись с пакетами, и я увидела, как Макс широко улыбнулся, а Шмель приподнял бровь, удивленно глядя на тарелки. Лавр же молчал, но я заметила, как он взял вилку и начал пробовать еду, даже не дожидаясь остальных.

И тут наступила тишина. Полная, абсолютная тишина, нарушаемая только звоном столовых приборов. Я стояла в стороне, нервно кусая губу, и смотрела, как они едят. Как откусывают, прожевывают, задумчиво смотрят в тарелку. Как молча берут добавку. Моя душа сжималась от волнения, потому что я не знала, понравилось ли им, или они просто вежливо доедают, чтобы не обижать меня.

Наконец Макс откинулся на спинку стула, положил вилку и выдохнул:

— Всё. Она остается.

Я не сдержала улыбки, почувствовав, как внутри разливается тепло. Лавр лишь хмыкнул, но я заметила, что он опустил тарелку почти до дна.

— Неплохо, — процедил он, будто нехотя, признавая очевидное. — Совсем неплохо.

— Ты просто божественно готовишь, Люсь, — добавил Шмель, и в его голосе было столько тепла, что у меня перехватило дыхание. — Спасибо.

Я смущенно опустила глаза и улыбнулась, чувствуя, как краска заливает щеки. Впервые за весь этот ужасный день я ощутила нечто похожее на спокойствие. Может быть, все не так уж и плохо? Может быть, эти трое совсем не такие, как я думала?

Но когда я легла спать в моей комнате, чувство покоя быстро улетучилось. Я осталась одна в тишине, и на меня навалилась вся боль этого дня. Предательство подруг, страх, унижение, необходимость торговаться за право остаться в этой чужой стране. Я включила телефон и с ужасом увидела, что Настя и Маша заблокировали меня везде — в соцсетях, в мессенджерах, даже в общем чате, где мы когда-то обсуждали наши планы.

Слезы потекли сами собой. Я открыла галерею и начала удалять фотографии с ними. Все наши улыбки, объятия, сов-

местные селфи в кафешках, на парах, на праздниках. Каждая из них ранила меня как ножом. Я пыталась написать им сообщения с другого аккаунта, но они или не отвечали, или сразу же блокировали меня.

"За что? — шептала я в пустоту. — За что, девочки? Я же вас любила. Я верила вам. Как вы могли?"

Ответа не было. Была только пустота, боль и понимание того, что я одна. Совсем одна в этой огромной, чужой и враждебной стране.

Я обняла подушку и разрыдалась, впервые за весь день дав себе волю. Я плакала о потерянной дружбе, о наивной вере в людей, о своей глупости и доверчивости. Я плакала о том, что даже если я останусь здесь, в этом доме, я все равно буду чужой. Я буду домработницей, которую терпят из жалости, а не гостьей, которую ждали.

Я копила на этот отпуск. Хотела, чтобы мы повеселились, как следует, а они...

В какой-то момент я услышала приглушенные голоса. Я притихла и поняла, что парни сидят у бассейна и разговаривают. Я осторожно подошла к окну, отодвинула занавеску и увидела их силуэты в полутьме. Они сидели на шезлонгах, потягивали пиво и о чем-то оживленно говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.